

УДК 11+316.6

Страдание как сущностное свойство человеческой ситуацииЮрий В. Грицков^{а, @}^а Сибирский федеральный университет, 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, 79[@] grickov50@mail.ru

Поступила в редакцию 16.11.2018. Принята к печати 22.01.2019.

Аннотация: В настоящей статье страдание рассматривается, во-первых, как феномен экзистенциальной реальности человека, возникающий в результате взаимодействия сознания индивида с коллективным бессознательным; во-вторых, как социокультурный феномен, влияющий на содержание и характер антропо-, социо- и культурогенеза. Автор исходит из представления о страдании как о неустранимом свойстве человеческого бытия, обусловленном столкновением между врождёнными бессознательно-иррациональными и генерируемыми культурой понятийно-рациональными программами поведения. Страдание обуславливает переживание человеком своих взаимоотношений с мирозданием и с самим собой как беспрецедентных, неблагоприятных, требующих радикального изменения, оно превращает его бытие в проблему как для него самого, так и для окружающих. Обосновывается вывод о том, что культурное своеобразие любой социальной общности, её жизнеспособность и исторические перспективы неразрывно связаны с функционирующими в ней практиками преодоления страдания. Статья содержит ключевые моменты диссертации автора «Феномен страдания и способы его освоения в культуре» (2006). Публикуется с целью расширения читательской аудитории.

Ключевые слова: архетип, архетипический образ, архетипическая программа, социальный инстинкт, страх смерти, вина, смысл

Для цитирования: Грицков Ю. В. Страдание как сущностное свойство человеческой ситуации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 1. С. 49–54. DOI: 10.21306/2542-1840-2019-3-1-49-54

Страдание, понимаемое в человеческом смысле, есть самопотребление человека

К. Маркс

Страдание, боль – это вызов на борьбу, это сторожевой крик жизни, обращающий внимание на опасность

А. И. Герцен

Страдание – первое, чему надо учиться, и что впоследствии больше всего понадобится

Ж.-Ж. Руссо

Введение

Этимологически слово *страдание* восходит к индоевропейскому корню (s)ter / (s)tre – коченеть (умирать), становиться жёстким, твёрдым, тугим. Однокоренные слова: *страсть, страда, страх, стремление, старание, старый, стерва* (в первоначальном значении – мертвечина, падаля). Таким образом, изначально в понятии *страдание* фиксируются признаки перехода от бытия (жизни) к антибытию (смерти), т. е. оно осмысливается как переживание уязвлённости существования смертью и вместе с тем стремление к преодолению этой уязвлённости.

В мире человека страданию принадлежит одно из центральных мест. Его преодоление – величайшая проблема человеческого бытия. В любой культуре способом и вариантам решения этой проблемы придаётся огромное значение.

В данной статье предпринята попытка рассмотреть сущность и генезис феномена человеческого страдания в дискурсе концепции коллективного бессознательного К. Г. Юнга [1; 2]. Статья содержит ключевые моменты

диссертации автора «Феномен страдания и способы его освоения в культуре» [3].

Страдание как фактор эволюции человека и общества

С точки зрения зоопсихологии [4] страдание есть сильная негативная эмоция, сигнализирующая о препятствиях в реализации той или иной инстинктивной программы поведения, направленной на удовлетворение естественных биологических потребностей (в пище, тепле, мышечной активности, безопасности, продолжении рода и т. д.). Соответственно, успешное осуществление основных программ сопровождается противоположным ощущению страдания ощущением наслаждения, выполняющим функцию закрепляющего сигнала. Порождаемые такими программами переживания и реакции В. Чалидзе называются автоматизмами [5].

Особое место среди автоматизмов занимают социальные инстинкты – программы, регулирующие внутригрупповые отношения между животными одного вида:

программы, задающие алгоритмы внутривидовой конкуренции и выстраивания внутригрупповой иерархии, и программы групповой солидарности, обеспечивающие альтруистические действия членов группы. В отличие от инстинктов, обеспечивающих выживание отдельной особи, социальные инстинкты работают на упорядочивание отношений внутри сообщества и на выживание группы в целом.

Важно отметить, что в некоторых типических ситуациях социальные инстинкты могут вступать в противоречие с инстинктами, работающими на выживание отдельного индивида. Например, в ситуации, когда приходится защищать с риском для собственной жизни слабых членов группы, инстинкт самосохранения вступает в противоречие с инстинктом групповой солидарности. В таких случаях страдание становится неустрашимым, поскольку блокируется как минимум одна из инстинктивных программ поведения. Если данная ситуация сохраняется длительное время, то можно говорить об устойчивом *очаге страдания*: страдание, сигнализирующее о нереализованности индивидуального инстинкта, с необходимостью накладывающегося на страдание, сигнализирующее о нереализованности социального инстинкта. Такое взаимоналожение отрицательных сигналов обуславливает потребность в выработке дополнительных программ, способных компенсировать отрицательные последствия подобного рода переживаний.

Очевидно, в доисторические времена негативные переживания предков человека мало чем отличались от негативных переживаний животного, поскольку их поведение регулировалось одними и теми же инстинктивными программами. Ситуация изменялась по мере того, как у человека развивалась способность рационально программировать свои действия. Поскольку искусственные программы поведения постоянно вступали в противоречие с инстинктивными программами, постольку возникали новые виды страданий и увеличивалась их сумма. Например, человек может страдать в том случае, когда его основные биологические потребности и инстинкты удовлетворены, но не реализованы рационально сконструированные и принятые им к исполнению программы. Или наоборот, реализация искусственной программы предполагает подавление программы инстинктивной. В обоих случаях возрастает экзистенциальный дискомфорт во внутреннем мире человека.

Умножение страданий заставляет интеллект конструировать новые искусственные программы защиты от негативных переживаний. Но чем интенсивнее эти усилия разума, тем больше возникает новых, усиливающих страдания «нестыковок», противоречий между рациональными и инстинктивными программами. Разрешение этих грозящих человеку катастрофой противоречий осуществляется в пространстве культуры. Таким образом, страдание превращается в фактор, определяющий характер эволюции человека и общества. В частности, возникно-

вание и бурное развитие религии, философии и искусства в древнем мире со всей очевидностью представляет собой культурный ответ на эскалацию страданий.

Развитие рациональной составляющей в сознании человека привело к тому, что его страдание, в отличие от страдания животного, представляет собой уже не просто «сильную эмоцию, полярную наслаждению», но *чувство* – форму психического отражения, «при которой отражаемым являются объективные отношения феноменов к нуждам личности»¹, причём это психическое отражение представляет собой *единство эмоции и мысли*.

Иными словами, страдание становится вполне человеческим только тогда, когда оно осознано и *названо*, когда оно соотносено с другими феноменами мира человека и осмыслено как составная часть этого мира.

В соответствии с изложенным условимся понимать под человеческим страданием сильное негативное чувство, в котором наличная ситуация рефлексивно осмысливается и переживается как угрожающая осуществлению какой-либо из актуализированных инстинктивных или рационально сконструированных программ. Похожее понимание данного феномена можно найти у А. Шопенгауэра, определявшего страдание как *неисполненное и пресечённое хотение* [6].

Как мы отмечали в работе [3], такое предельно общее понимание страдания является инвариантным по отношению к другим представлениям, имеющим хождение в общественном сознании. Оно не противоречит ни атеистическим, ни религиозным, ни бихевиористским, ни марксистским, ни каким-либо иным концепциям страдания, что даёт основания надеяться на построение целостной теоретической модели, в которой могут быть учтены результаты, достигнутые в различных, часто конфликтующих между собой школах и направлениях.

Вследствие того, что поведение человека определяется не только естественными (инстинктивными), но и искусственными программами, в создании которых принимает участие разум, человек может страдать и в том случае, когда его основные биологические потребности и инстинкты удовлетворены, но не реализованы сконструированные и принятые им к исполнению рациональные программы.

Появление рациональных программ поведения не могло не повлечь роста страдания ещё и потому, что осуществление этих программ сопряжено с повышенной степенью риска наступления не предусмотренных разумом негативных последствий, причём таких, с которыми не в состоянии справиться инстинктивные программы. Ведь инстинктивные программы есть результат длительного эволюционного отбора форм поведения именно в тех ситуациях, которые уже *бывали* несчётное количество раз, а новаторские интеллектуальные решения чреваты именно *небывальными* последствиями. То есть, научившись рационально программировать своё поведение, человек стал заложником у собственного мышления,

¹ Платонов К. К. Краткий словарь системы психологических понятий. М.: Высшая школа, 1984. С. 167.

он обрёл свободу вмешиваться разумом в будущее, и тем самым сделал свой разум ответственным за то, за что раньше отвечали природные инстинкты.

Итак, в рукотворной социальной реальности врождённые способы реагирования стали неэффективными, на смену им пришли культурные поведенческие программы, превращающие личность в источник страданий для самого себя и источник социального зла для окружающих, в средство и арену эволюционного отбора культурных поведенческих программ.

В новой социальной реальности соотношение страдания и счастья в бытии человека заметно смещается в пользу страдания. В результате страдание начинает переживаться им не столько как следствие постигающих его трагедий и неудач, сколько как атрибут бытия: все периоды жизни оказываются в той или иной степени отравлены отрицательным мироощущением, возникает эффект постоянного присутствия страдания. Человек определяет себя как страдающее существо и задаётся вопросом о причинах страдания и о путях его преодоления. Полярное по отношению к чувству страдания чувство счастья (высшего удовлетворения своим бытием, результатами своей деятельности), напротив, становится труднодостижимым, исчезающе мимолётным, эфемерным. Возникает эффект постоянного присутствия страдания. Человек переживает трагический разлад с миром, ощущает себя чуждым наличному бытию существа, он захвачен негативными экзистенциальными чувствами страха, тоски, одиночества и т. п. При этом выпавшие на его долю несчастья представляются ему противоестественными, несправедливыми, ненормальными, неоправданными. Иными словами, страдание понимается человеком не столько как следствие постигающих его трагедий и неудач, сколько как существенное свойство его бытия в мире. В результате мир человека хаотизируется, обесмысливается, оборачивается адом.

Подчеркнём ещё раз, что «очеловеченное» страдание, порожаемое конфликтом инстинктивных и рациональных программ поведения, обуславливает необходимость культурных механизмов адаптации к бедственному положению человека в мире. Разработка и совершенствование культурных программ по обузданию и контролю социального зла с различной степенью эффективности осуществляется такими социальными институтами, как религия, философия, право, искусство, семья и др. Недостаточная эффективность этих институтов – ещё один постоянно действующий источник страданий для человека.

В работе [3] мы выделили пассивную и активную экзистенциальные составляющие страдания.

Пассивная составляющая (я страдаю!) заключается в переживании наличного бытия как несчастья – не потребного, угрожающего, бедственного положения в мире. Страдать в этом смысле – значит, претерпевать душевную боль, муку, тоску, страх и т. п. Именно эту

составляющую абсолютизировал Будда Гаутама, когда разрабатывал свою программу избавления от страданий, её имел в виду А. Шопенгауэр, утверждая, что тысяча наслаждений не искупают одного страдания.

Пассивная составляющая страдания обнаруживает себя:

- как *скорбь*, когда переживается уже произошедшая (непоправимая) утрата;
- как *страх*, когда дело касается грядущей (неотвратимой) утраты;
- как *горе*, когда претерпевается дьящаяся в настоящем (непоправимо-неотвратимая) утрата;
- как *тоска*, если переживается невозможность обретения желаемого;
- как *забота*, если приходится брать на себя ответственность выбора, связанного с утратой ценных возможностей и с риском не достичь желаемого.

Активная составляющая (я страдаю!) данного чувства выражается в устремлённости к иному, отсутствующему положению дел, к позитивному переживанию. В этом смысле страдание обнаруживает себя как устойчивое и острое чувство протеста (отказа от наличного бытия) или как страсть (устремлённость к предмету вождения как к отсутствующему бытию). Активная составляющая страдания побуждает к рефлексивному мышлению и к деятельности.

В соответствии с этим страдание может восприниматься либо как «ненормальное», бедственное состояние индивидов и социальных групп, либо как естественное, необходимое условие и средство функционирования и развития социальных систем.

В первом случае страдание осмысливается как *результат действия* на человека враждебных ему природных, социальных или сверхъестественных сил. Во втором случае – как *источник и причина* совершаемых субъектом социальных действий. Иногда само страдание осмысливается как социальное действие (например, *пострадать за правду*) или его составная часть. Так, в словаре живого великорусского языка В. Даля *страда* есть «связанная со всякого рода лишениями тяжёлая, натужная, ломовая работа»².

Среди множества форм проявления страдания в экзистенциальной реальности человека особое внимание обращают на себя такие, как страх смерти, чувство вины, чувство порабощённости злом, чувство несвободы, чувство отчуждения (от общества, природы и от самого себя). Эти виды страдания можно назвать базисными: они обнаруживаются в любой известной нам культуре и находятся в отношениях взаимной зависимости (образуют систему). Ключ к пониманию природы этих чрезвычайно болезненных переживаний даёт теория архетипов К. Г. Юнга.

Архетипы, согласно Юнгу, представляют собой «нечто вроде органов дорациональной психики», имеющие универсальную и безличную природу «бессознательные образы инстинкта», «образцы инстинктивного поведения», «бессознательные праформы, принадлежащие

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1982. Т. 4. С. 334.

унаследованной психической структуре», которые «служат духу образцом, когда он организует своё содержание». Порождаемые коллективным бессознательным образы имеют «не личностную, но сверхличностную природу и присущи всем людям» и, таким образом, могут спонтанно заявлять о себе повсюду». Они присутствуют во всех мифах и сказках всех времён и народов, являются предпосылкой религиозных воззрений [7]. Эти образы имеют предельно интенсивную и амбивалентную эмоциональную окраску, благодаря им судьба души превращается в «небеса и ад»: «без проживания этой противоречивости нет опыта целостности, а тем самым нет и внутреннего доступа к священным образам» [2].

Как природное явление архетип имеет, согласно Юнгу, морально амбивалентный, а точнее, *внеморальный характер*. Это значит, что к порождаемым архетипическими программами переживаниям, как и к природным явлениям, не применимы нравственные критерии. Например, изначально внеморальный характер имеет архетипический образ бога Яхве, приобретающий признаки человеколюбия, справедливости и т.п. лишь впоследствии, в результате трудной и продолжительной работы коллективного разума.

В дальнейшем условимся понимать под архетипами существующие на уровне коллективного бессознательно-го матрицы – прошедшие эволюционный отбор *программы построения типических экзистенциальных феноменов субъективной реальности – образов, видений, переживаний*.

Как мы показали в работе [8], архетипические программы коллективного бессознательного можно рассматривать как становящиеся в процессе эволюции социума социальные инстинкты, определяющие восприятие человеком «новых типических ситуаций» и экзистенциальные реакции на них. В данном контексте страдание представляется необходимым условием и средством для выполнения экзистенциальной работы по освоению происходящих в социальной реальности изменений и реформированию способов коммуникации с собой и с миром. Наиболее значимыми *архетипами страдания* в экзистенциальном пространстве личности являются *страх смерти* и *чувство вины*.

Архетип страха смерти – генетически закреплённая программа, способная проецировать в любую экзистенциальную ситуацию человека активизирующий переживание угрозы небытия *образ смерти*, будь то видение старухи в саване и с косой, или образ умершего друга, ноздри которого проели черви, или любой другой ассоциируемый со смертью символический образ³.

Архетипом вины условимся называть действующую на уровне коллективного бессознательного *программу, побуждающую личность истолковывать любое неблагоприятное с её точки зрения событие как наказание за свойственный проступок (проступки)*. То есть запускаемая

архетипом вины программа побуждает субъекта выстроить для объяснения произошедшей неприятности (беды) такой нарратив, в дискурсе которого он ответственен за случившееся.

Задаваемый архетипом вины паттерн осмысления любого неблагоприятного события включает в себя следующие этапы.

1. Сначала это событие воспринимается как наказание, свидетельствующее о ранее совершённом субъектом «неправильном» действии или намерении.

2. Если для субъекта не очевидно, какое именно «неправильное действие» манифестируется данным нежелательным происшествием, архетипическая программа активизирует поиск собственно *вины* – совершённых (или якобы совершённых) субъектом действий или намерений, ставших причиной «наказания». Этот поиск протекает в *теневой зоне* психики, во взаимодействии между сознательно конструируемыми и бессознательно действующими программами. В результате такого взаимодействия возникают *архетипические образы переживаемого события*, из которых и выстраивается «проявляющий вину» нарратив.

Таким образом, архетип вины программирует в сознании протекание спонтанных, зачастую фантастических образов (видений, вещей снов, внутренних голосов и тому подобных явлений психики), которые сообщают субъекту о его (или чьей-то) *ошибке*, а также о действиях, которые необходимо предпринять, чтобы «искупить вину».

3. После того как *вина* заявила о себе в выстроенном нарративе, паттерн исправляющего возникшую неурядицу поведения понуждает раскаяться, продемонстрировать готовность к наказанию и принять его, а затем ожидать прощения и восстановления благополучного течения дел [9].

В соответствии с принципом амбивалентности каждой из этих программ соответствует программа-антипод. Так, архетипической программе страха смерти противостоит программа *любви к жизни*, а программе вины – программа *поиска виноватых* (архетип зла).

Противостоящая страху смерти архетипическая программа любви к жизни внедряет в страдающее сознание нуминозные образы, способствующие переживаниям радости бытия, мистического восторга перед красотой окружающей природы и величием мироздания, сочувствия ко всем формам и проявлениям жизни.

Программа поиска виноватых проецирует в страдающее сознание чувство «уязвлённости злом», заставляющее переключить внимание с событий внутреннего мира на события мира внешнего, т.е. свернуть поиски внутренних причин страдательного состояния и начать поиск причин внешних (внешнего врага). Именно так, как мы помним, обстояло дело с библейским Иовом: когда он не смог обнаружить за собой никакой вины, то в первую очередь стал обвинять в своих страданиях того, чьё главенство над

³ Очевидно, именно архетип страха смерти даёт начало буддийской идее «жизнь есть страдание»: всё, что с нами случается в жизни – лишь напоминание о смерти, «ибо оно пройдёт».

собой до этого безоговорочно признавал и чьи указания так добросовестно и беспрекословно выполнял.

В результате страдающее сознание выстраивает образ порабощенного злом мира и переживает связанные с этим образом чувства несвободы, одиночества, отчуждения. В контексте данного образа любая ситуация, в том числе самая по видимости счастливая, *может восприниматься человеком как зло*, как источник незаслуженного, «неправильного» страдания. Лежащий во зле мир переживается как испорченный, находящийся в неправильном состоянии, из-за чего субъекту приходится заняться поисками объяснения такого неблагоприятия и изобретением технологий позиционирования себя в этом мире (смирения, ухода или конфронтации).

В соответствии с изложенным вырисовывается следующий механизм воздействия страдания на внутренний мир человека и на развитие его личностных качеств.

Обусловленное противоречиями между программами различных уровней страдание становится в психической реальности личности постоянно действующим центром беспокойства, точкой концентрации внимания. Именно постоянно присутствующее в экзистенциальном пространстве личности страдание оказывается предпосылкой зарождения и центром формирования феномена рефлексивного сознания (*страдаю, следовательно, существую!*), осуществляющего и контролирующего процесс разработки неинстинктивных рациональных программ, направленных на изменение наличного положения дел в сторону удаления от страданий.

Само-стоящая, обладающая само-сознанием личность (самость) есть в этом смысле сформировавшаяся во взаимодействии подсознания и сознания субъекта структура, программирующая (упорядочивающая и оптимизирующая) взаимодействие биологических и социальных инстинктов таким образом, чтобы свести к минимуму сумму страданий. Эта программа обнаруживает себя то как звучащий внутри субъекта «голос Бога», то как голос совести, то как голос рассудка, предупреждающий об опасностях, связанных с нарушением запретов на действия, вызывающие одновременный запуск противоречащих друг другу программ.

Выводы

Страдание как социально-антропологический феномен возникает вследствие несбалансированности матричных поведенческих программ коллективного бессознательного и конституируемых личностью индивидуальных поведенческих программ.

Постоянными поставщиками страдания в экзистенциальную реальность человека являются архетипические программы страха смерти и вины. Первая представляет собой нечто вроде программы-вируса, способной проецировать образ смерти на любые жизненные ситуации. Возникновение данной программы в коллективном бес-

сознательном связано с открытием человеком собственной смертности: такое преждевременное знание о неизбежной кончине воспринимается бессознательным как неустранимая угроза, на защиту от которой оно мобилизует все имеющиеся резервы. В результате работы данной программы человек утрачивает чувство гармонии с окружающим, в его душе поселяется ощущение катастрофичности происходящего, трагической отчужденности от мира.

Вторая программа, в естественных условиях регулирующая деятельностную активность животного, конституирует в экзистенциальной реальности личности чувство вины за негативное изменение в его жизненной ситуации и организует *проект искупления*, реализация которого должна исправить ситуацию.

Ещё один постоянный источник страдания – столкновение человека с негативными последствиями своей рациональной целеполагающей деятельности, которые он по большей части не в состоянии предвидеть и эффективно разрешать.

Становление и развитие человеческой личности может быть понято как направленный на преодоление страданий процесс взаимодействия и взаимоулучшения инстинктивных, архетипических и рациональных программ восприятия человеческих ситуаций и позиционирования в них. Магистральные направления саморазвития личности задаются базовыми архетипами страдания и их антиподами – бессознательными программами, выстраивающими зеркальные положительные эмоции. Так, пара «*страх смерти – любовь к жизни*» формирует шкалу отрицательных и положительных ценностей бытия, ориентирующую личность на преодоление деструктивного отношения к жизни и культивирование любви к ней и её проявлениям. *Архетипы вины и удаления от зла* формируют вектор, устремляющий личность к развитию нравственных качеств, наличие которых обеспечивает ей контроль над архетипическими программами и, таким образом, защищает от страданий, связанных со спонтанным запуском этих программ и проистекающим из этого экзистенциальным хаосом, превращающим бытие если не в крестную муку, то в повседневную тяжёлую ношу.

Архетип смысла есть программа, мобилизующая индивида на подвиг бытия в несущем страдания, враждебном и жестоком мире. Потребность в такой программе обусловлена, как уже отмечалось, бедственным положением человека во вселенной, которое ему приходится *рационально объяснять, нравственно оправдывать, практически осваивать*.

Собственно говоря, человек как явление цивилизации и культуры начинается именно с постановки вопроса о смысле своего бытия, т. е. о своём предназначении и о причинах своего неблагоприятного положения в мире. *Обрести смысл – значит найти способ противостоять страданию*.

Литература

1. Юнг К. Г. Тавистокские лекции. СПб.: Астер-Х, 2015. 122 с.
2. Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1994. 343 с.
3. Грицков Ю. В. Феномен страдания и способы его освоения в культуре: дис. ... д-ра филос. наук. Омск, 2006. 322 с.
4. Фабри К. Э. Основы зоопсихологии. М.: МГУ, 1976. 463 с.
5. Чалидзе В. Иерархический человек. Социобиологические заметки. М.: Терра, 1991. 223 с.
6. Шопенгауэр А. Смерть и ее отношение к неразрушимости нашего существа // Шопенгауэр А. Избранные произведения. М.: Просвещение, 1992. С. 81–132.
7. Юнг К. Г. Аналитическая психология. Прошлое и настоящее. М.: Мартис, 1995. 320 с.
8. Грицков Ю. В. Львов Д. В. Архетип корпоративности в глобализационном процессе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 71–78.
9. Грицков Ю. В. Вина, свобода и ответственность как экзистенциальные феномены // Инновативность и ответственность: парадигмы преобразований: материалы науч.-практ. симп., 9–10 июля 2012 г. М.: НЕИЭиМО, 2012. С. 17–23.

Suffering as an Ontological Property of the Human Condition

Yury V. Gritskov^{*,@}

^{*} Siberian Federal University, 79, Svobodny Ave., Krasnoyarsk, Russia, 660041

[@] grickov50@mail.ru

Received 16.11.2018. Accepted 22.01.2019.

Abstract: In this article, suffering is considered as 1) a phenomenon of existential reality that results from the interaction of individual consciousness with the collective unconscious; 2) a sociocultural phenomenon that influences the content and character of anthropo-, socio-, and cultural genesis. The author proceeds from the notion of suffering as an unavoidable characteristic of human existence, caused by collisions between inborn unconsciously irrational and culture-generated conceptual and rational behavior programs. Through suffering one experiences one's relationship with the universe and with oneself as unprecedented, dysfunctional, and requiring a radical change: it turns one's being into a problem both for the individual and for others. The author believes that cultural identity of any social community, as well as its viability and historical perspectives, are linked with the local practices of overcoming suffering. The paper covers the key points of the doctoral dissertation "The Phenomenon of Suffering and Ways of its Development in Culture" (2006).

Keywords: archetype, archetypal image, archetypal program, social instinct, fear of death, guilt, meaning

For citation: Gritskov Yu. V. Suffering as an Ontological Property of the Human Condition. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*, 2019, 3(1): 49–54. (In Russ.) DOI: 10.21306/2542-1840-2019-3-1-49-54

References

1. Jung C. G. *The Tavistock lectures*. Saint-Petersburg: Aster-X, 2015, 122. (In Russ.)
2. Jung C. G. *Archetype and symbol*. Moscow: Renessans, 1994, 343. (In Russ.)
3. Gritskov Yu. V. *The phenomenon of suffering and ways of its development in culture*. Dr. Philos. Sci. Diss. Omsk, 2006, 322. (In Russ.)
4. Fabri K. E. *Fundamentals of zoopsychology*. Moscow: MGU, 1976, 463. (In Russ.)
5. Chalidze V. *Hierarchical person. Sociobiological notes*. Moscow: Terra, 1991, 223. (In Russ.)
6. Shopengauer A. Death and its relation to the indestructibility of our being. *Selected works*. Moscow: Prosveshchenie, 1992, 81–132. (In Russ.)
7. Jung C. G. *Analytical Psychology. Past and present*. Moscow: Martis, 1995, 320. (In Russ.)
8. Gritskov Yu. V., Lvov D. Archetype of corporativity in globalization process. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology, and Political Science*, 2017, (38): 71–78. (In Russ.)
9. Gritskov Yu. V. Guilt, freedom and responsibility as existential phenomena. *Innovation and responsibility: transformation paradigms: Proc. Sci.-Prac. Symp.*, July 9–10, 2012. Moscow: NEIEiMO, 2012, 17–23. (In Russ.)